

Хуайсинь, едва взглянув на её лицо, сразу понял, что она с утра успела навести марафет, хотя даже сквозь косметику проглядывали тонкие, изящные черты.

— У тебя тоже, — ответил он.

— Хотя я и знаю, что ты льстишь, мне всё равно очень приятно.

Цяо Янань ловко затянула узел на узле, с улыбкой принимая этот добрый комплимент. Пусть у неё не было такой ослепительной красоты, как у Хуайсиня, но своей нежной, словно персик, кожей она была вполне довольна.

Ради пропитания маленького Сюци на завтрак снова сварили рис, докупили на одну монету тофу, обжарили его и добавили немного зелени — вот и вся трапеза.

Хозяйку дома, пожилую женщину, запах еды раззадорил не на шутку. Она переглянулась со своим четырехлетним внуком, которого держала за руку, и, притворяясь, что ищет какую-то вещь, то и дело сглатывала слюну, глядя на миски с белым рисом на столе. Такой белый, такой мягкий рис! Она уж и не помнила, когда в последний раз ела подобное.

Женщина так разволновалась, что мальчишка, прятаясь за её спиной, вцепился в подол бабушкиного халата и наотрез отказался уходить. Она для вида пожурела его и попыталась утащить на улицу.

— Хозяйка, постойте.

Старушка радостно просияла и поспешила обернуться.

Цяо Янань передала накормленного братишку на руки второму брату, поднялась и прикинула, сколько риса осталось в котелке — она специально сварила побольше.

— Я видела, вы замешивали тесто.

Хозяйка нерешительно кивнула:

— Да, муж уезжает на два дня, собиралась напечь ему лепешек в дорогу.

Цяо Янань наклонила котелок, показывая содержимое:

— Обменяю этот рис на восемь ваших лепешек и миску солений, по рукам?

Старушка при виде риса не могла скрыть волнения. Мука — продукт хоть и ценный, но с белым

рисом не сравнится. Сделка была явно выгодной, но кто же упустит шанс выторговать больше? Она уже собралась было поторговаться, как вдруг услышала:

— Боюсь, такой рис вам не по вкусу, прошу прощения за навязчивость...

— Что вы, что вы, вовсе не навязчивость! — видя, что девушка и впрямь собралась перекладывать рис в миску юноши, старушка поспешно подошла и придержала её за руку. Тут же её запястье крепко сжал сам юноша. Она рассмеялась и отпустила руку: — Ишь как оберегает, везет же вам, барышня.

Хуайсинь разжал пальцы и молча стал ждать дальнейших действий Цяо Янань.

— Муж ко мне действительно очень добр, — воспользовалась случаем Цяо Янань, чтобы приукрасить образ своего супруга и сгладить недавнее отношение хозяйки. — Раз вы согласны на сделку, я буду ждать. Прошу, поторапливайтесь, нам нужно выдвигаться.

— А рис...

Цяо Янань взяла чистую миску, выложила весь рис и поставила на стол:

— Хозяйка, приносите лепешки, здесь ровно полная миска, ни зернышка не убудет.

— Уж больно мне нравится ваш решительный нрав, — старушка подхватила внука, который всё еще не хотел уходить. — Обещаю, задерживать вас не стану.

Цяо Янань с улыбкой проводила её взглядом до выхода из кухни и взялась за палочки. Она еще не успела сделать ни глотка — всё кормила брата.

Цяо Сючэн посмотрел на младшего:

— В полдень отдыхать не будем?

— Вчера слишком много времени потеряли, даже половины пути не прошли. Сегодня нужно поднажать. Не хочу снова ночевать под открытым небом, опасно. В полдень перекусим лепешками, — Цяо Янань плеснула немного овощного отвара в рис. — Рисовый отвар я сделала густым, он сытный. Еды может не хватить, так что лучше добраться до места как можно скорее.

— Он не испортится?

— У них в колодце вода ледяная. Наберем в таз, поставим туда емкости, а к вечеру, перед едой,

просто вскипятим. Если всё же испортится — что ж, придумаем что-нибудь другое, но повторять вчерашнюю задержку нельзя.

Цяо Сючэн больше не задавал вопросов. Как только она доела, он забрал у неё братишку, а сам принялся разливать рисовый отвар по бамбуковым трубкам и наполнять водой остальные пустые емкости. Делал он это так методично, что Хуайсинь, было решивший помочь, оставил эту затею.

— Барышня, лепешки готовы, пересчитайте, — хозяйка вошла с корзиной, откинула прикрывавшую её ткань, не сводя глаз с миски с рисом.

Цяо Янань бегло осмотрела товар и кивнула:

— Нам еще нужно набрать воды из вашего колодца.

— Пользуйтесь, не стесняйтесь. — Хозяйка забрала рис, поставила его на плиту, накрыла крышкой и спросила: — Уже уходите?

— Да, нужно спешить. Прошу, посчитайте, сколько мы должны.

Хуайсинь взглянул на хозяйку, та поняла его без слов:

— За вчерашний день одиннадцать медных монет, да за сегодняшний завтрак — итого тринадцать.

Заметив недоумение в глазах Цяо Янань, Хуайсинь пояснил:

— За вторую комнату уже уплачено.

Хозяйка закивала:

— Верно, верно! Свободных мест-то и не было, но как только юноша положил серебро, я, старая, не удержалась от жадности.

Вот оно что. Цяо Янань достала кошель, отсчитала тринадцать монет и протянула женщине:

— Желаю вам процветания в делах.

— Ох, умеете же вы, барышня, слова подобрать! — старушка пересчитала монеты и с улыбкой добавила: — А я вам желаю с супругом жить в согласии и до самой старости не разлучаться.

Хуайсинь украдкой бросил взгляд на Цяо Янань, которая с улыбкой приняла пожелание, и сердце его забило, словно пойманная птица.

— Хуайсинь, помоги донести вещи, пора в путь. Хозяйка, корзину я потом верну.

Видя, что она собирается нести корзину, прижимая к себе ребенка, Хуайсинь протянул руку, взял её и повесил себе на локоть. Заметив свободное место, он уложил туда бамбуковые трубки, а остальное подхватил руками — остальное Цяо Сючэн уже мог унести сам.

Когда вещи погрузили на повозку и они вернулись в дом, Цяо Янань указала на груды багажа и рассмеялась:

— Нельзя же позволить хозяйке думать, что ты меня не стоишь.

Хуайсинь тихо кашлянул, подхватил самый большой тюфяк и первым вышел наружу.

Цяо Янань, оставив Сючэна сторожить вещи с братом на руках, последовала за ним с самыми важными свертками. Она думала о том, что Хуайсинь ей очень приглянулась: красивая, скромная, а если поддразнить — краснеет, но не злится. У неё чудесный характер. Если бы это было возможно, она бы хотела дружить с ней долго-долго. Жаль, что в эту эпоху медленных дорог расставание часто означает прощание навсегда.

Выйдя за дверь, Цяо Янань подняла голову. Небо с синими просторами и белыми облаками обещало прекрасный день, а утреннее солнце заливало всё вокруг ослепительным светом. Она улыбнулась, и груз на душе словно стал легче. Правду говорят: нужно видеть необъятный мир, чтобы и сердце стало шире.

Хуайсинь, сбросив тюфяк, увидел, как Цяо Янань стоит, подняв голову и прищурившись от солнца. Он невольно задумался: о чем она думает? О чем-то радостном? Или о том, кто заставляет её улыбаться?

— Вещи неудобно лежат, Хуайсинь, возьми сначала самые крупные.

— Хорошо. — Хуайсинь поспешил в дом, но в голове царил сумбур. Лишь лицо девушки, улыбающейся небу, стояло перед глазами так отчетливо, что он видел каждый изгиб её губ. Даже когда они снова тронулись в путь, он никак не мог успокоиться.

<http://bllate.org/book/20743/2078433>